

корыту». При этом присваиваемые средства несоразмерны с зарплатой рядовых работников и нередко превосходят ее даже не в разы, а на порядки. Явление «чиновничьей олигархии» разорительно не только экономически, оно разъедает социальные и моральные устои общества, порождает в виде ответной реакции многообразные злоупотребления со стороны «ограбленных и обделенных». Назрела необходимость серьезной комплексной борьбы с этой легальной коррупцией. Построение цивилизованного, гуманного общества в России немыслимо без уничтожения той порочной почвы, которая порождает и жиреющую «олигархию», и «трудовую бедность».

1. Винограй Э.Г. Системная модернизация теории диалектики и ее возвращение в российское образование — стратегическая задача отечественных философов // Вестник Петровской академии наук и искусств. 2007. №7.

2. Винограй Э.Г. Философия. Систематический курс. Ч.1. Кемерово: Азия, 2003.

3. Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М., 1993.

С. З. Гончаров
Екатеринбург

ПРОИЗВОДСТВО КАПИТАЛА И ХАОТИЗИРОВАННОГО СОЗНАНИЯ: К ОЦЕНКЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Современная буржуазная социальность следующим образом задает особый стиль мышления, представленный в постмодернистской философии.

1. Если в капиталистической экономике финансовый капитал все более отрывается от производительного капитала, а деньги — от товарной массы, то постмодернисты *отрывают значения от обозначаемого* (от референта, от действительности). Карта стала важнее реальности. Ж. Деррида утверждает: «Мы даем знаки. Знак... представляет собой отложенное, отсроченное присутствие. При этом не имеет значения, идет ли речь... о делегатах на выборах или о политических представителях, движение знаков откладывает момент встречи с вещью самой по себе» [1]. Политики в России тоже стали производить *движение знаков*, откладывая каждый раз сроки реализации обещаний. И народ в стране

ходит от одного ожидания к другому, а потом — от одного разочарования к иному разочарованию. Все политические технологии, используемые режимом Б. Н. Ельцина, отмечал А. С. Панарин, «основывались на главном постулате постмодернистского дискурса — на подмене обозначаемого обозначающим, объективных показателей, относящихся к реальной социальной действительности, знаками» [2].

2. Постмодернисты, отмечает профессор университета Нотр-Дам (США) К. Харт, «любят обитать в виртуальном мире» [3]. Почему язык стал не средством выражения действительности, а «домом», вне которого иного бытия нет? Ведь кто-кто, но философы-то призваны понимать различие между объективными процессами и их идеальными выражениями в знаковой форме. Существо дела заключается не в индивидуальных предпочтениях, а в какой-то *объективной тенденции*, которая и выражается в «дискурсах» постмодернистов. Э. В. Ильенков выявил такую тенденцию еще тогда, когда постмодернизм только оформлялся. Он анализировал *знаковый фетишизм* на материале «логического позитивизма», «философии языка», «логической семантики», «языка науки». Разделение труда породило массу профессий, представители которых действительно живут в мире слов, знаков, «не имеющих почти никакого зацепления с действительностью». Это счетчики-вычислители, преобразующие одни знаковые выражения в другие знаковые выражения; армия адвокатов, занятых формальным подведением юридических характеристик фактов под определения права; легионы журналистов, «старающихся перещеголять друг друга в умении раскрашивать в яркие словесные тона ничего не значащие факты и рассматривающих эти факты лишь как поводы для упражнения в чисто вербальной ловкости»; представители «абстрактной живописи»; к этому ряду следует добавить людей, совершающих операции с виртуальными (счетными и электронными) деньгами; создателей ежечасной рекламы; СМИ, которые манипулируют значениями, оторванными от реальных событий. Для подобных профессионалов «язык действительно превратился из средства выражения действительности в единственный предмет их работы. ...Для них и “естественна” иллюзия, согласно коей язык и есть “подлинное бытие”». Из такой профессиональной иллюзии и вырастает знаковый фетишизм, столь характерный в нынешнем постмодернизме. Тайна этого фе-

тишизма, заключает Э. В. Ильенков, раскрывается в калечащем людей разделении труда [4]. Предметно ориентированное мышление понятно и естественно для «для тех классов, людей, которые преобразуют своими руками неподатливый материал природы, постигая в ходе этого преобразования его собственные свойства и закономерности изменения, и для той науки, которая ясно видит свою генетическую связь с этим реальным процессом и старается понять его закономерности, чтобы сделать руки умнее, чтобы научить их работать с материалом в согласии с его собственной природой, а не вопреки ей» [5].

3. Если в капиталистической экономике производство прибавочной стоимости, деньги стали самоцелью, то у постмодернистов самоцелью выступает манипулирование значениями, которое обретает такие *причудливые формы*, что аналитики квалифицировали постмодернистский стиль мышления как «шизофренический дискурс». Как финансовые пирамиды не обеспечены реальным притоком потребительных стоимостей, так же «знаковые пирамиды» не обеспечены *реальным предметным значением*.

И. А. Гобозов, анализируя «шизофренический дискурс», приводит следующий факт. Два физика, А. Сокал и Ж. Брикмон, удрученные интеллектуальным перерождением американской университетской интеллигенции, провели эксперимент: написали пародию на «дискурс» постмодернистов под абсурдным названием «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации», наполнив статью явными нелепостями, в частности, что известное число «пи» Евклида и сила притяжения G Ньютона являются исторически преходящими, так как физическая реальность является *лингвистической* и социальной конструкцией, нарративом, большим рассказом. Эта статья была опубликована в модном культурологическом журнале «Социальный текст» в специальном номере как ответ на выступление отдельных ученых против постмодерна [6]!

4. А. Сокал и Ж. Брикмон выявили в мышлении постмодернистов такие изъяны: авторы используют научные термины, не задумываясь, что реально они обозначают; переносят понятия точных наук в гуманитарную область; ошеломляют читателя терминами в такой связи, которая не имеет смысла. «Речь идет о самом настоящем отравлении словами и удивительном безразличии к их значениям» [7]. Отказ постмодернистов от предметного мышления губит

образование и культуру. «Студенты учатся повторять и выстраивать рассуждения, в которых они мало что понимают. ...В конечном счете, обдуманно невразумительные рассуждения и сопутствующая им интеллектуальная бесчестность отравляют часть интеллектуальной жизни и усиливают и без того распространенный среди населения примитивный антиинтеллектуализм» [8]. Элитарность постмодернистов заключается в их претенциозном жаргоне, отрывающем думающих людей от реальных проблем и направляющем умы в «стерильные споры». И. А. Гобозов констатирует: «Сочинения постмодернистов порой бессмысленны и бессодержательны. Их можно воспроизводить бесконечно, и никакого научного прогресса никто не заметит» [9]. В конце своей книги он заключает: «Поэтому, пока в общественном сознании и философском мире доминирует постмодернизм, не приходится ждать взлета философской мысли. Пока философия катится вниз и не видно, когда это прекратится» [10].

5. Либеральной рыночной экономике и либеральной идеологии, призывающей граждан освобождаться от государственного регулирования и контроля, соответствует освобождение постмодернистов *от культуры мышления, от логической дисциплины*. Научная методология подменяется «правилами игры». История представляется как архив, с полки которого можно произвольно выбирать то, что заблагорассудится. Если идет речь о различии чего-либо, то оно абсолютизируется так, что отрицается тождественное в различиях, если мысль постигает многообразие, то отрицается единство в многообразии. Главное — надо «различать», главное — «фрагментарность». «Именно эта пугающая фрагментарность всего нашего интеллектуального наследия характеризует постмодернизм во всей его неприкрытой сути» [11].

Но научная мысль тогда открывает новую грань бытия, когда за различиями она схватывает существенное *тождество*, за многообразием — *единство*. И. Ньютон за падением яблока и движением планет мысленно увидел *одно и то же* — действие силы гравитации — и стал классиком в науке. Прежде чем что-то различать, например, производство капитала в США и в Японии, необходимо установить, *что такое производство капитала вообще; ибо различия имеют логический смысл только в рамках определенного тождества*. Иначе мы будем иметь не существенные различия, а эмпирическую *разность непонятнейшего уровня*: «В огороде бузина, а в Киеве дядька».

6. Для М. Бланшо одним из «неизменных и мощных противников было единство» [12]. Единство самосознания, идентичность личности в смене ситуаций, единство территории страны, единство государства и т.д.— это, оказывается, «противники», некие оковы; но оковы для мышления, которое отказалось от культуры разумного мышления (диалектики), соединяющего противоположности в продуктивный и важный *практический синтез* в *реальной* жизни. Люди независимо от философских построений работают друг на друга, повседневно творят *единую* связь, делают *практический синтез* из раздробленной единичности. Из *практического синтеза следует синтез логический*, понятийное связывание эмпирического материала. *Логикой ценит тот, кто ценит труд и тружеников*. Человек созидательного труда признает логику и стыдится, чувствует себя неловко, когда его упрекают в нелогичности дел и мыслей.

После Гегеля как-то неудобно напоминать о том, что хвататься за одно определение, игнорируя противоположное, означает разложение теоретической мысли с печальными последствиями на *практике*. Мыслить логически, заметил Маркс в беседе с социологом М. М. Ковалевским, «можно только по диалектическому методу, ну а не логически,— хотя бы и по позитивному» [13], особенно, добавим, по-постмодернистски.

Антиреализм, антиосновность существенным образом характеризуют постмодернистское мышление. Лишь подменив обозначаемое знаками, только выбросив из логического арсенала категорию основы (а значит, закономерности, субстанции, причины, взаимодействия), можно произвольно жонглировать терминами. Из антиреализма и антиосновности следуют присущие постмодернистским построениям *номинализм, релятивизм, внеисторизм, потеря предметного содержания мысли, крайний субъективизм, безответственная игра терминами*, а в целом — *разложение* теоретической мысли и превращение философии в рассказы о том, о сем, в литературоведение. Антиосновность — «лучший способ» представить постмодернизм, пишет К. Харт [14].

6. Постмодернизм востребован политической практикой. Его построения лучше всего подходят для манипулирования: ставка на подмену обозначаемого знаками позволяет увести сознание в виртуальный мир произвольных построений, грез и мифов; номинализм, отрицание единой связи, которая соединяет части в целое

(граждан в соотечественников, различные поколения в социокультурную преемственность) — отрицание всего этого служит способом превращать народ в блуждающие потоки населения, в механическую сумму атомарных одиночек без служения Отечеству, без духовной солидарности, без великих целей, проектов и общего дела; релятивизм (все относительно) размывает нравственные устои, социокультурную идентичность, ценностную стратегию в развитии страны, подкапывает основы духовной интеграции и солидарности народа. Эти практические последствия якобы стерильного постмодернизма ловко создаются политиками. Поражающая сила постмодерна объяснима: сознание есть система значений; значение есть содержание, представляющее не себя, а иное содержание, отсылающее к иным содержаниям; значения, как правило, закреплены знаками, «текстами»; в роли знаков могут выступать и реальные события; несамостоятельное мышление можно легко направить в нужном направлении путем ложной интерпретации событий и «текстов».

7. Постмодернистский дискурс входит в состав современного *организационного и концептуального оружия* и реализуется в иных странах в форме «вялотекущих катастроф», *намеренно организованного хаоса*. А. С. Панарин так оценил использование синергетической фразеологии в геополитике. «Глобалисты разрушают все формы сложившейся национальной самоорганизации для того, чтобы на “пустом месте” заново построить свой глобальный порядок. Они покупают свою свободу ценой тотального разложения и потрясения основ, развязывают мировой хаос ради одного им ведомого порядка. “Порядок из хаоса”, “управление хаосом” — самые модные слова элитарной постмодернистской лексики» [15]. И находятся простачки от синергетики, верящие в «конструктивную роль» хаоса!

Есть и положительная сторона в «дискурсе»: во-первых, постмодернизм обнажил важную программирующую роль знаковых систем в общественном сознании. Во-вторых, игры в «тематизацию», в рассказы-нарративы настолько деструктивны, что они неизбежно побуждают к возрождению *неоклассики* не только в философии, но и в культуре в целом.

1. Цит. по: Гурко Е. Жак Деррида. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001. С. 116.

2. Панарин А. С. Народ без элиты. М., 2006. С. 63.
3. Харт К. Постмодернизм. М., 2006. С. 53.
4. Ильенков Э. В. Гегель и герменевтика // Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1984. С. 103—104.
5. Там же. С. 106.
6. Гобозов И. А. Куда катится философия: От поиска истины к постмодернистскому трепу. М., 2005. С. 103—105.
7. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 19.
8. Там же. С. 168—169.
9. Гобозов И. А. Куда катится философия. С. 109.
10. Там же. С. 198.
11. Харт К. Постмодернизм. С. 117.
12. Там же. С. 115.
13. Ковалевский М. Встречи с Марксом // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 315.
14. Харт К. Постмодернизм. С. 54.
15. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2003. С. 29.

П.Л. Зайцев
Омск

ЧЕЛОВЕК В ФОКУСЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ЭССЕНЦИАЛЬНЫЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В первой половине XX века Р.Д. Коллингвуд заметит: «История — «для» человеческого самопознания. Познание самого себя означает, во-первых, познание сущности человека вообще, во-вторых, познание типа человека, к которому вы принадлежите, и, в-третьих, познание того, чем являетесь именно вы и никто другой» [1]. Зададимся вопросом, осуществима ли данная исследовательская программа в принципе и знает ли историческая наука примеры ее реализации? Историческая школа, что взяла бы на себя раскрытие родового, типичного и индивидуального в человеке, нам не известна, однако в историческом познании заметны две взаимозависимые тенденции, представляющие человека в фиксированных фокусах рода и индивида.

Познание «сущности человека вообще» — эссенциальная тенденция в историческом познании. История исторической науки знает примеры, находимые вплоть до конца XIX века, когда историк делал возможным диалог между прошлым и настоящим,